

М. Ф. АНТОНОВА

**«Слово о житии и о преставлении великого князя
Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»**

(Вопросы атрибуции и жанра)

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» неоднократно привлекало внимание ученых. Специальное исследование этому произведению посвятила В. П. Адрианова-Перетц.¹ В. П. Адрианова-Перетц определила источники «Слова», в числе которых оказались как исторические, так и житийные произведения («Летописная повесть» о Куликовской битве, паремийное чтение о Борисе и Глебе, Житие Александра Невского), показала сходство литературных приемов автора «Слова» и Епифания Премудрого и установила случаи прямых совпадений «Слова» и произведений прославленного агиографа. Это позволило поставить вопрос о знакомстве автора «Слова» с творчеством Епифания. В статье В. П. Адриановой-Перетц было прослежено отражение «Слова» в других памятниках древнерусской литературы и показано, что наибольшее число подражаний вызвал плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии.

Особенно спорным оказался вопрос датировки «Слова». А. А. Шахматов² и С. К. Шамбинаго³ утверждали, что «Слово» было создано в конце XIV в., В. П. Адрианова-Перетц считала более вероятной датой 20-е годы XV в. А. В. Соловьев, напротив, склонялся к датировке А. А. Шахматова. Основанием для этого вывода исследователю послужили чтения «Слова» «о горе нам братъе, князь княземъ успе» и «предобрый господин». А. В. Соловьев полагал, что так мог сказать только современник самого события. В качестве другого аргумента он привел прощальную речь Дмитрия Донского, считая, что эта речь могла быть сказана только в 1389 г., а не выдумана 50 лет спустя. Датируя «Слово» концом XIV в. и основываясь на сходстве «Слова» и жития Стефана Пермского, А. В. Соловьев пришел к выводу, что автором «Слова» является Епифаний Премудрый.⁴

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго. — ТОДРА, т. V, М.—Л., 1947, стр. 73—97 (далее: В. П. Адрианова-Перетц).

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повесть о Мамаевом побоище». СПб., 1910, стр. 119 (отдельный оттиск из «Отчета о 12-м присуждении премий митрополита Макария»).

³ С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.

⁴ А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии». — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 85—106 (далее: А. В. Соловьев).

Новый взгляд на датировку «Слова» был обоснован в 1971 г. М. А. Салминой.⁵ Она признает тексты «Слова», читающиеся в Новгородской IV и Софийской I летописях, древнейшими и на этом основании считает, что «Слово» вошло в «свод 1448 г.», причем вариант «Слова» в Новгородской IV летописи отразил текст «Слова», содержащийся в «своде 1448 г.». При сопоставлении более поздних текстов «Слова» М. А. Салмина приходит к следующим выводам: «...в целом ряде летописных сводов XV—XVI вв., связанных с новгородским летописанием, „Слово о житии“ отсутствует; здесь содержатся лишь краткие записи о смерти великого князя Дмитрия».⁶ В сводах, восходящих к Софийской I летописи, читается текст памятника. Исследовательница отвергает точку зрения А. В. Соловьева на время создания «Слова» и полагает, что оно написано в 40-е годы XV в.

М. А. Салмина приводит следующие доказательства. «Слово о житии» восходит к читающейся в Симеоновской летописи записи о преставлении Дмитрия Донского, содержащей рассказ о смерти и погребении князя. На основании сравнения стиля этой записи со стилем других подобных записей Симеоновской летописи исследовательница приходит к выводу, что записи о смерти Дмитрия Донского сложились в своде 1409 г. Отмечая вслед за В. П. Адриановой-Перетц ряд параллелей «Слова о житии» и «Летописной повести» о Куликовской битве, М. А. Салмина полагает, что «Летописная повесть» предшествовала «Слову»; это обстоятельство, если учесть датировку «Летописной повести» 40-ми годами XV в., позволяет отнести «Слово» к тем же годам. Эти аргументы М. А. Салмина подкрепляет рядом соображений, вытекающих из анализа исторической обстановки 40-х годов XV в., доказывая, что именно в это время были злободневны идеи, выдвигаемые в «Слове».

* * *

Признавая наряду с А. В. Соловьевым сходство стилистических приемов анонимного автора «Слова» и Епифания Премудрого, В. П. Адрианова-Перетц считает автором «Слова» талантливого ученика или подражателя Епифания. А. В. Соловьев полагал, что «Слово» написано самим Епифанием.

Не все аргументы А. В. Соловьева представляются одинаково убедительными. Можно согласиться с исследователем, что отсутствие подписи Епифания не может с достаточной очевидностью свидетельствовать против его авторства. А. В. Соловьев считал, что общие для «Слова о житии» и «Жития Стефана Пермского» заимствования из «Слова о законе и благодати» и из «Жития Симеона Немани» являются доказательствами авторства одного лица — Епифания. Но к этим произведениям могли обратиться разные авторы, независимо друг от друга, схема же «Кому уподоблю...», восходящая, по мнению А. В. Соловьева, к «Житию Симеона Немани» как к источнику, могла быть воспринята автором «Слова» через посредство «Жития Стефана Пермского».

Другим аргументом А. В. Соловьева является идентичность схем плачей в «Слове» и в «Житии Стефана Пермского». Но эта идентичность представляется сомнительной. В «Слове» плач людей московских невелик и практически растворяется в авторской похвале; в «Житии Стефана Перм-

⁵ М. А. Салмина. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». — ТОДРЛ, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 81—105.

⁶ Там же, стр. 81—82.

ского» содержится пространный плач людей пермских. А. В. Соловьев высказал мнение, что принципиальным отличием «Слова» от некролога является присутствие плача-похвалы автора, и считал это обстоятельство веским аргументом в пользу авторства Епифания. Присутствие и значение авторского плача связано, по нашему мнению, с ролью личного авторского начала в произведении. В «Житии Стефана Пермского» автор выступает как литературный персонаж и поэтому имеет свой плач. В «Слове» авторский голос звучит несравнимо слабее, и риторическая похвала не отличается функционально от летописной похвалы.

А. В. Соловьев указал на сходство синтаксических конструкций отрывка «Слова» «Еще же младъ сый возрастомъ...» и отрывка «Жития Стефана Пермского» «И еще детищемъ сый...». Тем не менее исследователь считает, что «различие всего изложения»⁷ отвергает возможность существования подражания автора «Слова» Епифанию Премудрому или наличие общего источника и заставляет предполагать одного автора. Следует отметить, что данный пример сходства синтаксиса двух произведений единичен.

Цитатное сопоставление текстов «Жития Стефана Пермского» и «Слова» в некоторых случаях дает отрицательный результат. Так, сравнивая строки обоих памятников «Сий убо великий князь Дмитрей родися отъ благоверну и пречестну родителю...» и «Сий преподобный отецъ наш Стефанъ бе убо родомъ русинь...», А. В. Соловьев указывает на известное текстуальное сходство отрывков и считает это сходство аргументом в пользу авторства Епифания. Но в данном случае мы имеем дело с общим местом. В Прологе читаем: «Тъ бе от восток Сирия родом от града Едесскаго родителю христиану»,⁸ «Феодосии преподобный отецъ наш быст от Андриохию Сирьскую сын славу родителю».⁹

Несомненно, можно говорить о принадлежности «Слова» и «Жития Стефана Пермского» Епифанию или разным авторам, основываясь только на анализе совокупности стилистических средств обоих произведений, на полном сопоставлении их стилистических систем. Наибольший интерес представляет риторический слой стиля «Слова о житии». Обращаясь к анализу переработки источников «Слова» — «Похвалы роду рязанских князей»,¹⁰ «Жития Александра Невского»¹¹ и др., можно проследить работу анонимного автора как в идеологическом, так и в стилистическом плане. В соответствии с общей житийной тенденцией памятника в «Слове» опускаются некоторые мирские добродетели князей рязанских.

Основные черты стилистической переработки следующие: в текст «Слова» вводятся метафоры библейско-византийской традиции, сравнения и образы, восходящие к Библии. Отметим тенденцию к повторению какой-либо одной мысли или близких мыслей в сходной форме. Обращает внимание такой прием, как создание своих собственных образов на основе Библии,¹² контекстуальных синонимов. Все отмеченные особенности стилистики «Слова о житии» очень существенны для системы художественных

⁷ А. В. Соловьев, стр. 93.

⁸ Пролог по рукописи Публичной библиотеки под ред. Д. И. Абрамовича, вып. II. Январь—апрель. СПб., 1917, стлб. 351.

⁹ Там же, стлб. 376.

¹⁰ «Похвала роду рязанских князей» приведена как источник «Слова» Д. С. Лихачевым в статье «Литературная судьба „Повести о разорении Рязани Батыем“ в первой четверти XV века» (в кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М.—Л., 1961, стр. 9—23).

¹¹ В. П. Андрианова-Перетц, стр. 82.

¹² Там же.

средств данного произведения и не могут расцениваться как случайные и второстепенные.

Отличительным признаком художественной системы «Слова» является соединение стилистически разнородных элементов: формул воинской поэмы и сравнений, восходящих к Библии, метафор библейско-византийской традиции и мотивов вдовьих причетей; автор вводит в произведение гимнографическую схему «Кому угодоблю...» и перечисление уделов, написанное сухим языком без каких-либо тропов. В «Слове» встречаются отрывки, восходящие к стилистике летописей. Средняя часть похвалы Дмитрию Донскому выделяется обилием философских рассуждений, сложных сопоставлений.

Закономерно встает вопрос: в какой степени отмеченные стилистические черты характеризуют индивидуальную манеру письма анонимного автора «Слова»? Ответ может дать только сравнительный стилистический анализ. Обратимся к сопоставлению «Слова» и «Жития Стефана Пермского»,¹³ поскольку исследователями отмечалось сходство в стилистических приемах именно этих произведений. Отметим сразу, что «Житие Стефана Пермского» строго выдержано в единой системе художественных средств и соединения разнородных стилистических элементов в нем не наблюдается. Это отличие является принципиальным. Правда, в «Житии Стефана Пермского» встречаются стилистические приемы, сходные с приемами автора «Слова», но подобные приемы обнаруживаются и в «Повести о разорении Москвы Тохтамышем», и в некоторых других текстах Новгородской IV летописи; следовательно, они являются в достаточной степени общими, и их присутствие в «Слове» и в «Житии Стефана Пермского» не может убедительно свидетельствовать об авторстве одного лица, в частности Епифания. Мы имеем в виду такие приемы в обоих памятниках, как богатую синонимику, синонимические сочетания, вариации одной мысли, соседство близких мыслей. Епифаний, как и автор «Слова», варьирует или просто повторяет отдельные элементы. При анализе можно заметить, что вариации Епифания значительно богаче и разнообразнее, чем вариации автора «Слова».

В «Житии Стефана Пермского», как и в «Слове», наблюдаются анафоры. В обоих произведениях анафоры оформляют логически законченный и ритмически организованный отрывок. Рассмотрим один отрывок «Жития»: «Но доколе не остану много глаголати, доколе не оставлю похвалению слова, доколе не престану предложенаго и предложнаго хвалословия» (стр. 110). Одинаковое построение фраз, дублирующих по смыслу друг друга, ассонансы, анафора («доколе не») создают определенный ритмический настрой. Анафоры и ассонансы являются органичными элементами стиля этого произведения, и постоянное их употребление связано с ритмизацией всего текста «Жития»; в «Слове» анафоры и ассонансы присутствуют в отрывках, выделяющихся нарочитой ритмичностью, и использование этих приемов оказательно.

В: П. Адрианова-Перетц показала, что многие образы и цитаты из Библии являются общими для обоих памятников. В случаях совпадения цитат и эпитетов можно предположить подражание анонимного автора «Слова» Епифанию. Заимствовать эпитет, цитату нетрудно, но заимствовать всю поэтическую систему едва ли возможно, и при сопоставлении текстов двух произведений видно, что многие характерные черты поэтики Епифания не свойственны «Слову о житии».

¹³ Житие святого Стефана епископа пермского. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897 (далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках).

Остановимся на общих заимствованиях «Слова» и «Жития Стефана Пермского». В первую очередь обратимся к схеме похвалы, состоящей из вопросов и ответов. А. В. Соловьев в своей статье привел в качестве источника этой схемы, использованной в обоих произведениях, «Житие Симеона Немани», написанное Стефаном Первоверховным. Эта схема восходит к литургической письменности, и в русской литературе мы находим ее в «Слове о снятии тела Христова с креста...» Кирилла Туровского. Приведем текст похвалы в названных трех произведениях:

«Слово о снятии
тела Христова
с креста...»

«Житие Стефана
Пермского»

«Житие Симеона
Немани»

Кую похвалу створим
достойну твоего блажен-
ства, ли кому уподоблю сего
праведника? Како начну или
како разложю?

Небомь ли ты прозову?
Нь того...

Землю ли ты благоцве-
тущу нареку? Нь тоя...
Апостоломь ли ты именую?
Нь и тех...

Святителя ли ты и ста-
рейшину прозову? Темь
бо...¹⁴

...како похвалю, како
почту, како ублажу, како
разложю и како хвалу ти
сплету?

Темь же что ты нареку
пророка ли яко... Апостола
ли ты именую яко...

Законодавца ли ты при-
зову или законоположника
им же...

Крестителя ли ты про-
вещаю понеже...

Евангелиста ли ты на-
реку или благовестника им
же...

Святителя ли ты име-
ную елма же...

Учителя ли ты прозову,
яко...

Да что ты прочее на-
зову страстотерпца ли или
мученика яко...

Да что ты приглашу
пастуха ли нареку поне-
же...

Что ты нареку... посе-
тителя ли ты толкую яко
же...

Врача ли ты намену
яко... (стр. 102).

Кто бо изъчтеть сего
чюдеса!

Который ли языкъ из-
глаголетъ тainны твое? ко-
торые ли устье отъврзъ-
ста на твою похвалу пре-
подобне?

Который ли разумь ис-
повесть твоя величия поты
и труды?

Что ты нареку те о пре-
подобне азъ непотребный
твой рабъ? Апостола ли те
нареку яко...

Мученика ли? нь кто...
Учителя ли те нареку оте-
чествию своему. Нь...

Пророка ли нареку те,
пречюдне? Нь... Воина ли
те нареку свете крепка? гы
ибо...¹⁵

При сопоставлении этих отрывков видно, что текст «Жития Стефана Пермского» ближе к «Слову» Кирилла Туровского, чем к «Житию Симеона Немани». Епифаний употребляет глагольную лексику Кирилла Туровского («разложю», «прозову», «нареку»). Однако выразительные средства языка у Епифания богаче, чем у Кирилла Туровского. Так, синонимия используется в «Житии Стефана Пермского» значительно шире, чем в «Слове». Именно «Слово» Кирилла Туровского, а не «Житие Симеона Немани» является источником указанной части похвалы в «Житии Стефана Пермского».

Обращение Епифания к произведению Кирилла Туровского не случайно. В исследовательской литературе неоднократно указывалось, что истоки стиля Епифания Премудрого обнаруживаются в сочинениях Ки-

¹⁴ И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 425.

¹⁵ Цит. по: А. В. Соловьев, стр. 94.

рилла Туровского.¹⁶ Уточняя это положение, добавим, что в «Слове» Кирилла Туровского находятся приемы, ставшие наиболее яркими чертами поэтики «Жития Стефана Пермского». В обоих памятниках мы встречаемся с символическими картинками, созданными на основе традиционных библейско-византийских метафор, с пересказом и толкованием библейских текстов, созданием своих образов и символов на основе Библии.

Каково соотношение вышеприведенного «Слова» Кирилла Туровского и «Слова о житии» в той его части, где использована та же схема? При сравнении этих произведений наблюдается лишь одно текстуальное совпадение. У Кирилла Туровского читаем: «... Кому уподоблю сего праведника?»; в «Слове о житии»: «... Кому уподоблю сего князя Дмитрия Ивановича...». Отмеченное совпадение невелико и может являться случайным. В «Слове о житии» в отличие от «Жития Стефана Пермского» не употребляется глагольная лексика произведения Кирилла Туровского. Итак, явных признаков текстуального заимствования из сочинений Кирилла Туровского в «Слове о житии» не наблюдается. Не обнаруживаются также в этой части «Слова о житии» и следы переработки «Жития Стефана Пермского»; наиболее вероятно, что автор «Слова о житии» использовал известную ему схему похвалы независимо от Елифания.

Обращаясь к использованию схемы похвалы Елифанием и автором «Слова о житии», отметим, что Елифаний при каждом сопоставлении выбирает опорное слово и повторяет его несколько раз или повторяет корень опорного слова. Иногда им используются синонимы для создания эффекта созвучий одинаковых слов: «Законодавца ты призову или законоположника им же людям беззаконным закон дал еси, и закон положил еси». Стилистической системе «Слова» чужда игра созвучиями однокоренных слов, являющаяся характерной особенностью «Жития Стефана Пермского». В приведенном выше отрывке «Жития» наблюдаются кальки с греческого, поставленные рядом с грецизмами: «Евангелиста ли ты нареку или благовестника...». Иногда Елифаний пишет «философия», иногда — «любомудрие». Отмеченное явление не встречается в «Слове». В пределах приведенной схемы в «Житии Стефана Пермского» возникают ранее введенные в текст образы пастуха и стада и на основе их строится символическая картина. Одна и та же схема в «Слове» и в «Житии Стефана Пермского» наполняется различным содержанием и используется по-разному, в зависимости от системы поэтических средств произведения.

Что касается заимствования из «Слова о законе и благодати» автором «Слова о житии» и Елифанием, то можно с уверенностью сказать, что сочинение митрополита Илариона было достаточно известным и авторитетным и к нему могли обращаться независимо друг от друга разные авторы.

«В Житии Стефана Пермского» наблюдаются некоторые стилистические особенности, не обнаруживающиеся в «Слове о житии». Это в первую очередь явление «извития словес», так ярко проявившееся в известном полиптите Елифания «Един чернец, един мних...». По мнению М. И. Мулича,¹⁷ полипитот восходит к аналогичному «извитию» в житии св. Симеона, написанном Доментианом.

И автор «Слова», и Елифаний широко используют тексты Библии. Елифаний создает целые рассуждения на определенную тему, составлен-

¹⁶ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — В кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, стр. 143.

¹⁷ М. И. Мулич. Сербские агиографы XIII в. и особенности их стиля. — ТОДРА, т. XXIII, Л., 1968, стр. 140.

ные из цитат Священного писания; в значительной части текст «Жития Стефана Пермского» не написан, а составлен¹⁸ Для «Слова» не характерны подборки цитат из Библии, составляющие законченные пассажи. В «Слове» находим подборку формул воинских повестей, но функция этой подборки совершенно иная, чем в произведении Епифания: с ее помощью создается описание, и явление, аналогичное этому, встречается во многих памятниках древнерусской литературы. Епифаний много и охотно цитирует библейские тексты, при этом в «Житии Стефана Пермского» наблюдаются разные принципы цитации. Цитата легко вычленивается из собственно авторского текста, имеет иллюстративный или ссылочный характер и служит для придания убедительности и авторитетности авторскому тексту. Источник цитаты, как правило, указывается. Такая форма цитации известна произведениям древнерусской литературы различных жанров.

Гораздо больший интерес представляет другая форма цитации, при которой достигается органическая связь текста собственно епифаниевского и текста цитируемых произведений; при этом грань между авторским текстом и цитатой стирается. Ссылки на источники цитирования не обязательны. Для создания эффекта стилистической однородности Епифаний использует лексику цитируемых им произведений в своем собственном тексте, а также на стыке цитаты и собственного текста: «... просите и дасться вам (Еванг. от Матф., VII, 7). Прошу же да ми подаст благодать и дар...» (далее текст Епифания — Житие Стефана Пермского, стр. 3). Аналогично в другом фрагменте: «Господи, устне мои отверзеш, и уста мои возвестят хвалу твою (Псалтырь, I, 17), да исполнятся уста моя похвалы, яко да восхваляю славу твою (Псалтырь, LXX, 8) и приложу на всяку похвалу твою, да яко верую в Бога отца тако славлю...» (далее текст Епифания, стр. 3). В данном тексте присутствуют псалмы, представляющие собой синонимические сочетания, и писатель распространяет текст Священного писания своим текстом, близким по смыслу псалмам, причем строго соблюдается синтаксическая уподобленность авторского текста библейскому. В результате и в стилистическом и в смысловом отношении псалмы практически невычленимы из контекста жития.

«Слово о житии» знает только наиболее простую форму цитирования, давно известную древней русской литературе, и отмеченные выше особенности цитирования в «Житии Стефана Пермского» не находят соответствий в «Слове».

Принципы композиции обоих произведений также различны. Автор «Слова о житии» начинает повествование прямо с родословной героя и биографических сведений о нем. Епифаний дает обширное вступление, затем следует обращение к читателям с просьбой молиться за автора, самоуничижительное сетование по поводу «грубости» своего разума. Только после этого начинается собственно житие Стефана. В начале и в конце жития звучит тема автора. Роль автора как своеобразного литературного персонажа в «Житии Стефана Пермского», как уже было отмечено, несравненно более значительна, чем в «Слове о житии». Возникающая в начале и в конце жития тема «неразумия» автора как бы обрамляет текст произведения; ничего подобного в композиции «Слова» не обнаруживается. Говоря о композиционных особенностях «Жития Стефана Пермского», нельзя не отметить присутствие замкнутого построения. Примером такого рода является полиптот «Един мних, един чернец...». Для Епифания характерно повествование от общего к частному; так, о месте рождения Сте-

¹⁸ См.: О. Ф. Коновалова. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (к вопросу о соотношении). — ТОДРА, т. XXII, М.—Л., 1966, стр. 108.

фана сначала сообщается, что он «русин», дальше следует конкретизация — «отъ языка словенска, от страны полунощныя, глаголемыя Двиньскиа, от града нарицаемого Устьяга...». Подобные черты композиции «Слову» не свойственны. Если мы обратимся к одной из наиболее характерных черт поэтики Епифания — развернутым символическим картинам, созданным на основе текстов Библии, то увидим, что автору «Слова» совершенно чужда и эта тенденция.

Рассмотрение фактов языка приводит к следующим выводам: в «Житии Стефана Пермского» наблюдаются грецизмы, кальки с греческого, обилие сложных слов, составных прилагательных, причастий; неологизмы создаются с тенденцией достичь звукового эффекта, основанного на аллитерации: «Мудрости наставниче и смыслудавче осмысленным казатель». В «Слове» нет грецизмов, кальки не обнаружены; причастий и составных прилагательных значительно меньше. В синтаксисе этих двух произведений также наблюдаются значительные отличия. Напомним произведенный О. Ф. Коноваловой¹⁹ анализ синтаксической структуры одного отрывка «Жития Стефана Пермского». Если у Епифания наблюдаются большие периоды со сложным построением, то в значительных по объему отрывках «Слова» синтаксис, как правило, несложный: нанизывание однородных членов предложения или однородных предложений. «Житие Стефана Пермского» в отличие от «Слова» ритмично, и синтаксис у Епифания подчинен задаче ритмизации речи. С этим связана одна характерная особенность построения фразы Епифанием: однородные члены предложения располагаются по группам и смена групп влечет смену ритмического рисунка, при этом ассонирующие окончания однородных членов в пределах одной группы имеют характер рифмы.

На основании всего изложенного можно сделать вывод, что нельзя признать идентичность систем художественных средств «Слова о житии» и «Жития Стефана Пермского»; следовательно, нельзя предполагать и одного автора. Если предположить, что «Слово» написано молодым Епифанием, который в более поздних произведениях что-то сохранил от поэтики «Слова», что-то внес новое, то подобная постановка вопроса представляется неправомерной, поскольку разница в системах поэтических средств очевидна, а неопровержимых фактов, свидетельствующих об авторстве одного лица — Епифания, нет.

* * *

Небезынтересным для датировки «Слова» является вопрос о существовании стилистических аналогов «Слову о житии» в Новгородской IV²⁰ (далее: НІVЛ) и Софийской I²¹ (далее: СІА) летописях. Если аналоги существуют, то к какому времени относятся: появились они до или после создания «Слова»? При рассмотрении летописных известий от 80-х годов XIV в. до конца XV в. обнаруживается следующее. В СІА отсутствуют какие-либо стилистические аналогии «Слову», в НІVЛ можно выделить несколько текстов, стилистически интересных в связи со «Словом»: «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем» (под 1382 г.), послесловие к рассказу о преставлении митрополита Киприана (под 1405 г.), плач о епископе Арсении (под 1409 г.). «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем»

¹⁹ Там же, стр. 106.

²⁰ ПСРА, т. IV, ч. II, вып. 2, л., 1925.

²¹ ПСРА, т. V, СПб., 1851; т. VI, СПб., 1853.

читается в Симеоновской летописи, Рогожском летописце, Новгородской IV и Софийской I летописях. Стилистические аналоги «Слову» содержит только текст НІVЛ. В НІVЛ сохраняется сюжет повествования, но вводятся стилистические добавления, являющиеся частично переделками «Повести о разорении Рязани Батыем». Анализируя таблицу сличений «Повести о разорении Москвы Тахтамышем» и «Повести о разорении Рязани Батыем», предложенную Д. С. Лихачевым,²² можно установить, что стилистическая переработка сводилась в основном к следующему: в «Повести о разорении Москвы Тахтамышем» в отличие от источника наблюдаются ритмизация речи, ритмические и лексические анафоры, шире используется синонимия. Сравнительно с текстами повести в Симеоновской летописи и Рогожском летописце в НІVЛ включены отрывки, представляющие собой плач церкви и размышления автора и характеризующиеся отмеченными выше стилистическими чертами. Указанные стилистические особенности сближают «Повесть о разорении Москвы Тахтамышем» в НІVЛ со «Словом о житии».

В НІVЛ под 1405 г. читается рассказ о преставлении митрополита Киприана, после которого идут горестные размышления автора о бренности человеческого бытия. В той же летописи под 1409 г. помещен рассказ о преставлении тверского епископа Арсения. При сравнении обнаруживается сходство указанных текстов с плачем Евдокии в «Слове». Кроме того, самая манера изложения материала в этих отрывках заставляет вспомнить среднюю часть похвалы в «Слове»; и в «Слове», и в приведенных текстах из НІVЛ мы встречаемся не с такими типическими для летописи формами изложения, как сообщение и описание, а с формой авторских рассуждений, для которых характерна отвлеченность мысли. В. П. Адрианова-Перетц отметила сходство плача Евдокии в «Слове» с плачем церкви пермской в «Житии Стефана Пермского».²³ Если мы сопоставим эти плачи с послесловием к рассказу о смерти митрополита Киприана и с плачем о епископе Арсении, то увидим, что все четыре текста обнаруживают сходство мотивов. Как можно объяснить это сходство? Одним из возможных объяснений является то, что все четыре текста ориентированы на хорошо известные древнерусским книжникам образцы. Таковыми могли быть стихиры: «Плачу и рыдаю, егда помышлю смерть и вижу до гробех лежащу и по образу божию созданную нашу красоту безобразну и безславу не имущу вида. Оле чудесе что еже от нас сие бысть таянство, како предахомся тлению, како припрягомся смерти»;²⁴ «И во гробы вникнем, где слава, где доброта зрака, где благоглаголивый язык, где брови. . . или где око. . . все прах и сен и тем же пощади всех нас».²⁵ Стихиры, по видимому, явились той канвой, на которой «сплели» свои узоры и Епифаний Премудрый, и авторы остальных текстов.

НІVЛ содержит вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича под 1399 г. Этот текст представляет для нас интерес, так как приписывается на основании стилистических особенностей Епифанию Премудрому.²⁶ Установить авторство Епифания на основании стиля представляется нам безнадежно сложным, так как вступление очень невелико. В «Истории русской литературы» отмечалось сходство вступления к рассказу о смерти кн. Михаила Александровича в НІVЛ и вступления

²² Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV века, стр. 12.

²³ В. П. Адрианова-Перетц, стр. 85.

²⁴ Стихира на субботу мясопустную. — В кн.: Стихирарь. М., 1893, стр. 4.

²⁵ Там же, стр. 5.

²⁶ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 246.

к житию кн. Михаила Александровича в тверском сборнике.²⁷ Сопоставим эти два текста:

Тверская летопись

Мудраа основаниа твердости и крепости стенъ, и утверждение врат, и сведение столпъ, и полат украшение, разум же не придет ни ко единому ухищрению, да тем не могу о реченнем поведати, ибо сам аз не насладихся тоя неизреченныа красоты, якоже и се в той подобныа вещи благочестиа дръжателью православных и христоролюбивых князя Бориса еже повелел ми есть написати от слова честь премудраго Михаила, боголюбиваго князя, и той же выше силы наше есть, не до самого ради словес ваших. Обаче молю преже твое боголюбие, честная главо, бо сам чюдися мужа разумом, нравом; и не могый того единого разсуждениа в ум привести и послушаниа боюся, да аще от великих много малаа и некаа рече ему, всяко прощениа место да приемем от бога дарованныа ти и неуклонныа ти руки.²⁸

Новгородская IV летопись

Егда единою видевы пришедецъ великого града изрядно стояние, что оубо хоцеть рещи о немъ, но токмо же в себе видению девиться и ко иным глаголетъ; видев оубо аз преславное граду видение, о немже по части несть ми съглаголати, преоудивиша бо ми ся мудраа основаниа твердости и крепости стен, и оутверждение врат, и сведение столп, и полат оукрашение, разумъ же не прииде ни ко единому ухищрению, да тем не могуи иным исповедати, ибо сам аз не насладихся тоя неизреченныа красоты. Яко же и се в том подобное вещи отче отцемъ Кирилъ г. с. р. ч. ее г. Иже повелел ми еси писати от житиа премудраго Михаила боголюбца князя, и то же выше силы и не доасажема оумилению нашему; обаче же блюсти подобаетъ да не преслушание в нас обряцется.

Молю твое боголюбство, честная главо, ибо сам чюдися моужа, разоуму и правом и не моги единого расооуждениа во оум привести, ослушаниа же боюся, да аще от великих много малаа некаа речемъ, всяко прощение в оглаголании место да приемем от священиаго верха.²⁹

Вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича, читающееся в НІVЛ, отсутствует в СІЛ, хотя сам рассказ о преставлении в этой летописи читается. На этом основании можно полагать, что вступление не вошло в «свод 1448 г.»; это обстоятельство позволяет предполагать заимствование НІVЛ текста вступления (возможно, вошедшего в свод 1455 г.) из тверской летописи. Итак, мы считаем, что в НІVЛ к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича, имевшемуся уже в «своде 1448 г.», добавлено сокращенное и частично переделанное вступление из тверской летописи; предположить обратное явление, т. е. расширение тверской летописью текста НІVЛ, трудно, так как вступление в тверской летописи представляет целостное и органичное изложение, хорошо сочетающееся с остальным текстом жизнеописания. Вступление к рассказу о преставлении кн. Михаила Александровича в НІVЛ появилось после 1448 г. Это делает невероятным предположение, что автором этого вступления был Епифаний Премудрый, умерший в 1418—1422 гг.

В связи с отмеченными стилистическими аналогиями «Слова» и приведенных текстов вопрос датировки последних представляется весьма важным. Как уже говорилось, в СІЛ отсутствуют все рассмотренные тексты; это обстоятельство дает возможность полагать, что указанные отрывки не входили в «свод 1448 г.» и, следовательно, созданы позднее «Слова о житии». Все приведенные тексты не только стилистически сходны, но

²⁷ О тверском летописании см.: А. Н. Насонов. Летописные своды тверского княжества. (Доклады Академии наук СССР, Ленинград, 1926, ноябрь—декабрь). Л., 1927, стр. 125—128.

²⁸ ПСРЛ, т. XV, Пгр., 1922, стлб. 463.

²⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 386. (Числовая тайнопись, имеющаяся в тексте, не расшифрована).

представляют или плач, или размышления автора; учитывая эти особенности, можно предполагать, что все эти отрывки принадлежат одному автору, а именно составителю Новгородской IV летописи.

Датировка рассмотренных текстов второй половиной XV в. (после 1448 г.) косвенно подтверждает датировку «Слова о житии» М. А. Салминой, относящей создание памятника к 40-м годам XV в.

* * *

В исследовательской литературе разработаны вопросы текстологии, стиля, датировки памятника, но жанровая природа «Слова» не изучена. В Новгородской IV и Софийской I летописях произведение называется «Словом». Указывает ли это название на жанр? В научной литературе отмечалось, что «словами» назывались произведения разных жанров.³⁰ В литературе XV в. «словами» назывались произведения, резко отличающиеся друг от друга и по тематике, и по форме изложения («Слово о житии и преставлении», «Инока Фомы слово похвальное», «Похвальное слово Киприану» и др.). Поставить эти памятники в один жанровый ряд невозможно. В XV в. название «слово» не свидетельствовало об определенной жанровой принадлежности произведения. В «Слове о житии» это название являлось, по-видимому, лишь указанием на риторическое начало. В поздних текстах «Слова», читающихся в Воскресенской, Львовской и других летописях, риторический пласт подвергся сильному сокращению и название «Слово» не сохраняется. Вероятно, у читателей более позднего времени жанровая природа памятника не ассоциировалась с понятием «слово».

В. П. Адрианова-Перетц указала, что «Слово о житии» тяготеет к так называемым княжеским житиям.³¹ В какой степени «Слово» зависит от композиционных и стилистических особенностей княжеских житий? При рассмотрении княжеских житий (нами использованы материалы, опубликованные Н. Серебрянским),³² можно сделать следующие выводы: жития неоднородны и в плане отбора фактического материала, и в отношении формы. В качестве примера достаточно сравнить житие Александра Невского и житийное сказание о Борисе и Глебе. Сопоставление ряда житий (житие Александра Невского, жития Владимира, Ольги, Михаила Черниговского, Бориса и Глеба, Довмонта) приводит к выводу, что единая композиционная схема в них отсутствует и единственным объединяющим принципом является биографический принцип композиции. Стилистический строй княжеских житий эклектичен и в значительной мере определяется характером материалов, послуживших основой для произведения или непосредственно в него вошедших в виде цитат, заимствований, сравнений. Княжеские жития можно характеризовать скорее как явление тематическое, чем жанровое. Сравнение «Слова» с княжескими житиями дает основание полагать, что только биографический принцип композиции и обычная агиографическая характеристика героя сближают «Слово» с указанными памятниками. «Слово» сопоставимо также с княжескими житиями в плане тенденциозной (агиографической) обработки фактического материала. Мы наблюдаем лишь самые общие принципы житийного жанра. Стилистическая связь «Слова» с житием Александра Невского объясняется не жан-

³⁰ Н. А. Мещерский. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 43—49.

³¹ В. П. Адрианова-Перетц, стр. 73.

³² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

ровой общностью обоих произведений, а тем, что житие Александра Невского является одним из источников «Слова».

М. А. Салмина доказала, что «Слово» генетически восходит к рассказу о смерти и погребении Дмитрия Донского, отразившемуся в Симеоновской летописи.³³ Это заставляет нас обратиться к летописной княжеской похвале как возможному жанровому источнику «Слова». В научной литературе княжеская похвала не исследована. Основой похвалы является рассказ о смерти и погребении князя. Рассказ о смерти и погребении также не являлся предметом специального исследования, но частично его касался И. П. Еремин.³⁴ Выделяя как особый тип повествования летописную повесть, он указал, что основой для летописной повести служил рассказ о смерти и погребении, и перечислил его составные части: сообщение о смерти князя и упоминание о плаче над телом покойного.

Летописная повесть, по И. П. Еремину, формировалась примерно так: к названным выше частям рассказа о смерти и погребении добавилась характеристика князя в агиографическом духе, затем присоединился рассказ о событиях, предшествовавших кончине князя. Для И. П. Еремина не представлял интереса рассказ о смерти и погребении сам по себе; он рассматривался только как этап формирования летописной повести в Киевской летописи. Выйдя за пределы Киевской летописи и обратившись к материалам Лаврентьевской и Галицко-Волынской летописей, наблюдаем, что с присоединением агиографической характеристики рассказ о смерти и погребении превратился в похвалу, функционирующую в качестве некролога.³⁵ Княжеская похвала в развитой форме (сообщение о кончине князя, прямая характеристика героя, сообщение о плаче или самый текст плача) представляет собой вполне устойчивое композиционное целое. Композиционное единообразие похвалы поддерживалось ее функциональной обусловленностью.

Для нас наиболее интересной является та форма похвалы, которая сложилась в летописи к началу XV в. Это хронологическое ограничение вводится по двум причинам: 1) уже в составе указанных летописей находим вполне сформировавшиеся княжеские панегирики; 2) существенным является вопрос об отношении «Слова» к похвале, и в этой связи датировка «Слова» серединой XV в. диктует хронологические рамки. Даже при самом беглом взгляде на стиль княжеской похвалы нельзя не заметить обилия повторяющихся или близких по составу формул. Выше было указано, что для княжеской похвалы характерна определенная композиционная устойчивость. Для похвалы характерна также повторяемость мотивов, в результате чего создается стереотипный образ князя. Эти черты художественной системы похвалы позволяют представить типические обороты и их варианты в связи с литературными мотивами, которые эти обороты оформляют. Например: «Княгини же его беспрестани плакашяся» (Ипат. лет. под 1180 г.); «и рыдаху же народа множество» (Лавр. лет. под 1237 г.); «Множество народа... жалостныя слезы испущающе» (там же); «и плакашяся по нем сынове его плачем великим» (Лавр. лет. под 1212 г.); «не бе слышати пение в плачи» (Лавр. лет. под 1239 г.); «Прослезитися» (Ипат. лет. под 1168 г.); «Слезы испущая от зеницю» (там же); «Слезами обливающи лице свое» (Ипат. лет. под 1180 г.); «слезы

³³ М. А. Салмина. «Слово о житии...», стр. 93.

³⁴ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — В кн.: И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 98—132.

³⁵ См.: Ипатьевская летопись под 1168, 1178 и 1180 гг. — ПСРЛ, т. 2, М., 1962; Лаврентьевская летопись под 1212, 1218, 1237, 1239, 1288 гг. — ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926.

от себе изливающи» (Ипат. лет. под 1288 г.); «воздыханье от сердца износя» (там же); «стонание от сердца своего испущая» (Ипат. лет. под 1168 г.). Одним из истоков фразеологии похвалы является Библия. Далее цитаты приводятся по Геннадиевской Библии 1499 г.³⁶ Приведем параллели: «и плакашася по нем вся земля Русьская» (Ипат. лет. под 1178 г.) и «вся земля плакашася гласом великим» (II Кн. Царств, XV, 23);³⁷ «и плакашася по нем сынове его плачем великим» (Лавр. лет. под 1212 г.) и «и плакашася по нем плач велик зело» (Кн. Быт., 50.10);³⁸ «слезами омывая лице свое» (Ипат. лет. под 1288 г.) и «плачущися начят омывати нозе его слезами» (Еванг. от Луки, VII, 38);³⁹ «Слезы от себе изливающи» (Ипат. лет. под 1288 г.) и «очи мои излиасте воду» (Плач Иерем., I, 16).⁴⁰

К некоторым выражениям похвалы можно привести параллели из «Сказания о Борисе и Глебе»: ⁴¹ «Слезами обливающи лице свое» (Ипат. лет. под 1180 г.) и «и весь слезами обливаясь рече»; ⁴² «слезы испущая от зеницю» (Ипат. лет. под 1168 г.) и «и начат слезы испущати от... очию своего».⁴³

Приведенные примеры из Библии и «Сказания» показывают, что похвала не создала автономной, присущей только ей фразеологии плача: она в значительной степени использовала уже усвоенные древнерусской литературой обороты.

Лексика и фразеология в похвале, связанные с мотивами смерти и погребения, характеризуются несколькими устойчивыми формулами и крайне незначительным количеством вариантов. Наиболее часто употребляется глагол «преставитися»: «преставися христолюбивый великий князь Костянтин» (Лавр. лет. под 1218 г.). Вариантным можно считать сочетание «предати душу в руце божие» (Ипат. лет. под 1178 г.). Об отпевании покойного говорится следующим образом: «и певше над ним обычны песни» (Лавр. лет. под 1212, 1218, 1238 гг.). Мотив погребения выражается сочетанием «вложити в гроб», «вложиша в гроб» (Ипат. лет. под 1168 г.).

Обращаясь к одному из главных композиционных моментов похвалы — характеристике князя, наблюдаем, что излюбленными эпитетами являются здесь «благодарный», «христолюбивый», «блаженный». При характеристике моральных качеств князя обычно употребляется формула «украшен всеми добрыми нравы» (Лавр. лет. под 1212, 1218 гг.), в качестве варианта выступает эпитет «благонравен» (Ипат. лет. под 1178 г.). Непременные черты морального облика князя — кротость и смирение. Обычно в похвале сообщается: «князь правдив, щедр, кроток», «кроток, смирен», «кроткий, смиренный» (Ипат. лет. под 1180 г., Лавр. лет. под 1218 г.). Для характеристики князя обязательны также мотивы милосердия. Фразеология, связанная с мотивами милосердия, разнообразна, но все же можно выделить устойчивые сочетания: «паче же милостыни прилежаще» (Ипат. лет. под 1178 г.); «милостынею баше милостив» (там же); «раздавати требующим» (Лавр. лет. под 1218 г.). В похвале, как правило, сообщается об особом расположении князя к служителям церкви. Используются обычно

³⁶ Геннадиевская библия. — Рукописный отдел БАН, Собр. воспроизведений, № 339.

³⁷ Там же, л. 188.

³⁸ Там же, л. 32 об.

³⁹ Евангелие XV в. — БАН, 33.16.2, л. 131.

⁴⁰ Геннадиевская библия, л. 551.

⁴¹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Текст «Сказания» цитируется по изданию: Памятники древнерусской литературы, вып. 2. СПб., 1916.

⁴² Там же, стр. 36.

⁴³ Там же, стр. 34.

следующие формулы: «всякому чину яко возлюбленный бяше отец» (Лавр. лет. под 1237 г.); «чтяше же паче меры иереиский и мнишьский чин» (Лавр. лет. под 1218 г.); «любяще помногу черноризский и поповский чины» (Лавр. лет. под 1212 г.).

Художественная система похвалы отличается композиционной и стилистической устойчивостью. Единообразие композиции, устойчивость мотивов и стилистических элементов, единая идеологическая направленность дают право считать княжескую похвалу самостоятельным типом летописного повествования. Похвала интересна тем, что представляет собой ядро, из которого могли развиваться произведения разных жанров. В развитой трехчастной форме похвала — явление собственно русское. Похвала сложилась в составе летописей; византийских образцов подобной трехчастной похвалы русские книжники не имели, и этим объясняется одна стилистическая особенность похвалы: ей чужда метафоричность библейско-византийского стиля.

При определении жанра «Слова» обнаруживается несомненная связь «Слова» с летописной княжеской похвалой. Эта связь проявляется в первую очередь в том, что «Слово» вобрало в себя все композиционно необходимые элементы похвалы, и поэтому можно считать, что именно похвала явилась одним из жанрообразующих факторов этого произведения. Однако традиционные части похвалы в «Слове» претерпели изменения. В основном изменения сводятся к распространению традиционных частей похвалы. Стилистика похвалы также отразилась в «Слове». Рассказывая о смерти Дмитрия Донского, автор использует лексику и фразеологию, известную похвале: «преставитися», «предати душу богови». Об отпевании и плаче народа говорится в традиции похвалы: «и певше над ним обычное надгробное пение», «и плакашася над ним», «не бе лзя слышати пенья в плачи мнози». Обороты, совпадающие с типическими оборотами похвалы, могут расцениваться как закономерные стилистические элементы «Слова о житии».

В описании горя вдовы князя традиционное «слезы от очию испущаше» превратилось в «огненные слезы от очию испущающи». В похвале обычно говорится о плаче вдовы: «княгини беспрестанно плакаше», в «Слове» горе вдовы представлено гиперболически: «восплакася горкым гласом, огненныя слезы от очию испущающе, утробю распаяюще».

Изменения обнаруживаются и в характеристике героя в «Слове» сравнительно с похвалой. «Слово» сохраняет те же мотивы характеристики князя, но стилистически эти мотивы оформлены в нем иначе: для «Слова» характерна метафоричность стиля, и характеристика героя состоит из ряда метафор.

На основе сопоставления «Слова» с княжескими житиями и летописной княжеской похвалой можно сделать вывод, что «Слово» в том виде, как оно сложилось в Новгородской IV и Софийской I летописях, возникло на пересечении двух литературных традиций: формы житий и летописной княжеской похвалы. Соотнесенность «Слова о житии» с похвалой объясняет одну особенность «Слова» — отсутствие развернутого событийного ряда, такого, как например в Житии Александра Невского. «Слово» функционирует как похвала, а не как жизнеописание или историческая повесть; именно поэтому биографическим подробностям и историческим событиям уделено так мало места в «Слове».

Этот вывод подтверждается следующими наблюдениями над историей текста «Слова» в летописании: в ряде летописей (Никаноровской, Вологодско-Пермской и др.) структура похвалы (т. е. композиционно необходимые части похвалы) сохраняется, тогда как отрывки «Слова», не соотно-

симые с похвалой, изымаются или подвергаются сокращению. Типические обороты похвалы в процессе движения текста «Слова о житии» частично сохраняются без изменений, частично претерпевают изменения. Приведем формулы похвалы, вошедшие в «Слово» без изменений и не изменяющиеся в процессе развития текста «Слова». Так, в Новгородской IV летописи читаем: «И плакашася над ним князи. . .»;⁴⁴ этот оборот дословно повторен в Вологодско-Пермской,⁴⁵ Львовской⁴⁶ и Никаноровской⁴⁷ летописях. В Новгородской IV летописи: «И пения не слышиться в мнозе плаче»;⁴⁸ эта формула сохраняется в Вологодско-Пермской⁴⁹ и Никаноровской⁵⁰ летописях.

Приведем сочетания «Слова», соотносимые с оборотами похвалы, но не идентичные им. В своде 1479 г. читаем: «и плакашася над ним многым плачем и весь народ плачем горьким».⁵¹ Для похвалы не характерно сочетание «плач горький». В древнейших текстах «Слова» о горе вдовы Дмитрия Донского говорится следующим образом: «восплакася горьким гласом». В Никаноровской летописи читается этот же оборот. В Львовской летописи: «восплакася горьким плачем»;⁵² в Вологодско-Пермской летописи: «восплакася горко»;⁵³ в своде 1479 г.: «Возопи горьким гласом».⁵⁴ В древнейших текстах «Слова» читаем: «огненные слезы от очию испущающе». В Никаноровской, Львовской и Вологодско-Пермской летописях это выражение читается без изменений. В своде 1479 г. эта традиционная формула «Слова» заменяется на оборот, заимствованный из «Сказания о Мамаевом побоище». В своде 1479 г.: «слезы от очию яко быстрины речныя испущающи»;⁵⁵ в «Сказании»: «слезы льюще аки речную быстрину».⁵⁶ Наблюдения над фразеологией, оформляющей мотивы смерти и погребения, в поздних текстах «Слова» дают основание сделать вывод, что эта фразеология устойчива, изменений практически нет.

Анализ поздних текстов «Слова» приводит к заключению, что стилистика похвалы в основных чертах в нем сохраняется. Ранее было отмечено, что в поздних текстах «Слова» сохраняются композиционно необходимые части похвалы; как было показано, стилистика похвалы также сохраняется; все это дает основание полагать, что на более позднем этапе развития «Слова» сокращается в ряде летописей до более или менее развернутой похвалы, т. е. оно трансформируется в ту литературную форму, которая явилась основой для его создания.

⁴⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 360.

⁴⁵ ПСРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 161.

⁴⁶ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 207.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 86.

⁴⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2, стр. 360.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 161.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 86.

⁵¹ ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 217.

⁵² ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 206.

⁵³ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 160.

⁵⁴ ПСРЛ, т. XXV, стр. 217.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Сказание о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 55.